

Культура и общество. Философия. Социология.

Е. А. НАЙДЕНКО

**ДУХОВНЫЙ ОПЫТ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ
В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Анализируя современные процессы дегуманизации общества постмодерна, автор сопоставляет их с опытом русской философской мысли конца XIX – начала XX века через призму творчества Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: этика гуманизма, творчество Ф. М. Достоевского, русская философия конца XIX – начала XX века.

В современных философских, культурологических, эстетических и этических исследованиях отчетливо прослеживается тенденция к осмыслению проблем, так или иначе связанных с эпохой постмодерна. Большинство авторов приходят к выводу, что современное постмодернистское сознание разрушает универсальные ценности, исключает гуманизм из сферы человеческой жизни, заменяя его, в лучшем случае, понятием толерантности. Не ставя задачей данной статьи анализ и сопоставление существующих концепций, поскольку уже существуют отечественные труды, позиционирующие себя по отношению к постмодернизму в качестве энциклопедических и фундаментальных, заметим, что в реалиях современного российского бытия все большую остроту приобретает проблема дегуманизации во всех социальных сферах.

Результатом процесса дегуманизации стал ценностный вакуум, воцарившийся в обществе. Попытки провозглашения консолидирующей национальной идеи, этических договоренностей политических, общественных, профессиональных организаций, призывы к религиозным институтам взять на себя миссию моральных регуляторов, установление соответствующих законодательных актов не снимают проблему выхода из создавшейся ситуации.

В этих условиях одним из возможных вариантов возрождения гуманизма является обращение к духовному опыту русских философов конца XIX – начала XX века, осуществлявших анализ гуманизма в контексте творчества Ф. М. Достоевского. В пользу данного подхода свидетельствует сама история русской философии обозначенного нами периода: многие идеи великого писателя предвосхищали ситуацию современности, определяли развитие философской мысли. Кроме того, обращение к отечественной литературе и к творчеству Ф. М. Достоевского в частности, на наш взгляд, – одна из уникальных особенностей отечественной философии. Этот феномен объяснял Вл. Соловьев, который продолжил мысль Достоевского (позже развитую Н. Бердяевым) о том, что русский человек ищет не истину, а ищет правду: «Обладание истиной не может составлять привилегии народа

так же, как оно не может быть привилегией отдельной личности. Истина может быть только всеобщей, и от народа требуется подвиг служения этой вселенской истине, хотя бы, и даже непременно, с пожертвованием своего национального эгоизма. И народ должен оправдать себя перед правдой, и народ должен положить душу свою, если хочет спасти ее» (Курсив Вл. Соловьева. Е. Н.) [1].

Заметим, что сам Ф. М. Достоевский достаточно скептически относился к своим собственно философски-мировоззренческим убеждениям. «Мне очень трудно было бы рассказать историю перерождения своих убеждений, тем более что это, быть может, и не так любопытно», – пишет он в своем дневнике писателя за 1873 г. [2]. Между тем, все его творчество настолько неразрывно связано с представлениями о мире, о целях жизни, судьбе человека и гуманизме как общественном идеале, что привлекло к себе не «любопытство», а живой, страстный интерес русских философов.

В условиях кризиса абстрактного гуманизма, когда идеи естественных прав, социального устройства согласно природе человека были опровергнуты грубой реальностью, свобода, как основная ценность гуманизма превратилась в пустой звук. Именно к этому выводу приходит Ф. М. Достоевский: «Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно» [3]. Добавим, что «человек без миллиона» и «человек, с которым делают все что угодно» – это и есть литературный герой Достоевского в любом периоде его творчества.

Однако в противоречии между гуманистическими идеалами писателя и изображаемой им действительностью видится некая связь, отмечаемая философами. Так, Л. И. Шестов, не без иронии отмечает, что проповедь Достоевского о том, что именно России суждено вернуть Европе забытую там идею всечеловеческого братства, привилась у европейцев как психология Достоевского, в

которой отражен «подпольный человек с его разновидностями: Раскольниковыми, Карамазовыми, Кирилловыми» [4].

Анализируя и сопоставляя взгляды Достоевского и Ницше, Шестов замечает, что ввиду отраженной в этих взглядах действительности, едва ли даже у самого убежденного позитивиста хватило бы совести вспоминать о своих идеалах. И, если гуманистические взгляды Ф. М. Достоевского в основных чертах сводятся к реабилитации прав «подпольного человека», то Ницше впервые открыто выставляет на своем знамени страшные слова: апофеоз жестокости.

Точка зрения Л. И. Шестова на гуманизм Ф. М. Достоевского достаточно своеобразна, в сравнении с мнениями других философов этого периода. «Признается, что самый забитый, последний человек есть тоже человек и называется брат твой. Этими словами вполне исчерпываются гуманистические идеи Достоевского. Новизной, как видите, они не блещут» [5]. Такое заключение делает Л. Шестов после тщательного анализа творчества Достоевского.

Напротив, по мнению С. Л. Франка, всем своим творчеством Достоевский под видимыми читателю ужасами показывает, прежде всего, невидимый рост человеческой души. Обличение слепых и разрушительных страстей, восстание против требований разума и общественной морали переходит в своеобразное оправдание человека. С. Л. Франк подчеркивает, что Ф. М. Достоевский «против мнения всего света, становится на сторону человеческой души во всей, столь же ярко изображенной ее неприглядности. Замечательно уже то, что всякое зло в человеке, для Достоевского не есть свидетельство бездушия, а, напротив, имеет духовное происхождение» [6]. Таким образом, С. Л. Франк полагает, что онтологическая глубина темных, иррациональных сторон человеческого духа проистекает из оскорбленного чувства человеческого достоинства, это либо – слепая месть за оскорбленное достоинство личности, либо – попытка, хотя бы нелепым и разрушительным образом, восстановить попранные права. Философ особо отмечает, что Достоевский не отворачивается с брезгливостью или презрением ни от одного человеческого существа, как бы дико и зло оно ни было. Напротив, подобно матери, защищающей своего ребенка, пусть даже преступного, Достоевский защищает своих падших героев.

Несколько иначе к вышеприведенному положению относится Б. П. Вышеславцев. Рассуждая о принципах автономного противоборства человека, он отмечает: «Образы такого «умного» противоборства, противоборства духа, а не плоти, гордости, а не «слабости греховной» с бессмертной силой изваял Достоевский. Это уже не люди, а «бесы», или люди, одержимые бесом, ибо все они могут сказать вслед за Великим инквизитором: мы не с Тобой, а с ним!» [7]. Однако это не значит,

что философ ставит под сомнение гуманизм Достоевского, ибо далее он подчеркивает, что в творчестве писателя всегда присутствуют античная идея катарсиса и христианская идея искупления.

Весь Достоевский, по мнению Б. П. Вышеславцева, есть, в сущности, развитие основной темы Паскаля: величие и ничтожество человека, выраженной с особой силой в знаменитом стихе Г. Державина «я царь, я раб, я червь, я бог». Вышеславцев считает, что «В этих словах весь Достоевский и вся сущность трагического противоречия, свойственного человеку: «Здесь диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [8].

Выдающийся исследователь нравственной философии Н. О. Лосский, анализируя мировоззрение Ф. М. Достоевского, подчеркивает оригинальность концепции гуманизма писателя, заключающуюся в том, что Ф. М. Достоевскому иногда приходила в голову мысль, что если бы человечество окончательно утратило веру в Бога и бессмертие, то, может быть, тогда все силы людей направились бы на любовь друг к другу и природе. Эта мысль выражена в романе «Подросток»: «Они просыпались бы и спешили целовать друг друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это – все, что у них остается. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем свое и тем одним был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий на земле – ему как отец и мать» [9].

Однако приведенная идиллическая картина близка скорее нарисовавшему ее герою романа, Версилу, нежели автору – Ф. М. Достоевскому, поскольку в своей художественной и публицистической деятельности он прочно ставит в центре своего миропонимания Бытие Бога и бессмертие души. По мнению Н. О. Лосского проблема здесь в том, что религиозный опыт давал Достоевскому непосредственную абсолютную уверенность в том, что Бог есть и бессмертие существует. Но у него возникали сомнения, как согласовать с бытием Бога глубины мирового зла. Н. О. Лосский делает вывод о природе и сущности гуманизма писателя: «Если зло есть проявление свободной воли и если каждое хотение имеет целью какую-либо ценность, которая, правда, может оказаться по достижении ее мнимой, то всегда остается надежда, что существо, даже и упорствующее во зле, рано или поздно разочаруется в нем и обратится к подлинным вечным ценностям» [10].

Признание достоинства человеческой личности и ее свободы, а стало быть, и ответственности, по убеждению Ф. М. Достоевского, есть одна из самых основных идей христианства. «Личность человеческая способна выйти из узкого круга своей ограниченной жизни, усвоить подлинно ценные цели всех существ, как свои собственные, и стать микрокосмосом, т.е. вселенною в миниатюре» [11].

Возможно, в этих словах Ф. М. Достоевского и заключено своеобразие его гуманизма, оно

определяется просто, как просто все истинно гениальное. На философском уровне гениальность этой простоты сформулировал С. Л. Франк в статье «Достоевский и кризис гуманизма»: «Достоинство человека, его право на благополучие, его право на уважение основаны не на каком-либо моральном или интеллектуальном совершенстве, не на том, что он «разумен», «добр» или обладает «прекрасной душой», а просто на глубине онтологической значительности всякой человеческой личности. Человек богоподобен тем, что загадочные корни его существа, наподобие самого Бога, обладают сверхрациональной творческой силой, бесконечностью» [12]. Философ уверен, что именно Ф. М. Достоевскому впервые удался настоящий подлинный гуманизм, поскольку он есть христианский гуманизм, видящий во всяком, даже падшем человеке, человека как образ Бога. А все другие формы гуманизма сначала приукрашивают человека, прежде, чем сделать предметом поклонения. Такой гуманизм терпит крах при встрече с реальностью. С. Л. Франк предупреждает, что жестокая современность порождает презрение к человеку и что-то изменить может только гуманизм, гуманизм, существующий в форме, которую обрел в творчестве Ф. М. Достоевского.

Почти все крупнейшие русские философы считали своим долгом писать о Ф. М. Достоевском. Именно философам более чем профессиональным литературным критикам, обязаны мы лучшими книгами о величайшем художественном гении. Мало того, Ф. М. Достоевский был, по существу, впервые по достоинству понят и оценен именно

философами – создателями русского религиозно-философского Ренессанса, т.е. тем поколением, которое было пронизано влиянием Ф. М. Достоевского и в котором после позитивистской духовной летаргии проснулась жажда духовного творчества.

Хочется надеяться, что и в наше непростое время постмодернистская духовная летаргия породит жажду духовного творчества и гуманизм станет основным принципом отношений между людьми.

Литература

1. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 301.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1980. Т. 5. С. 78.
3. Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 21, С. 169.
4. Шестов Л. И. Достоевский и Ницше. Философия трагедии // Избранные сочинения. М., 1993. С. 177.
5. Там же. С. 181.
6. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма // Из истории русской философской мысли. М., 1965. С. 15.
7. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 188.
8. Там же. С. 155.
9. Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 4. С. 274.
10. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 154.
11. Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 24. С. 84.
12. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма ... С. 29.

E. A. NAYDENKO. SPIRITUAL EXPERIENCE OF RUSSIAN PHILOSOPHERS IN THE CONTEXT OF FYODOR DOSTOYEVSKY'S CREATIVE WORK

Analyzing contemporary processes of dehumanization postmodern society, the author compares them with the experience of Russian philosophical thought in the late XIX – early XX century through the prism of Fyodor Dostoyevsky's creative work.

Key words: *ethics of humanity, Fyodor Dostoyevsky's creative work, Russian philosophy of the late XIX – early XX century.*

В. Б. ХРАМОВ

ПЕРВОЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» П. Я. ЧААДАЕВА КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

В статье исследуется проблема социокультурных последствий публикации важнейшего документа русской культуры XIX века: возникновение партийной борьбы, создание идеологии славянофилов и западников.

Ключевые слова: *П. Я. Чаадаев, «философические письма», документ, западники и славянофилы.*

Первое «философическое письмо» П. Я. Чаадаева (1794–1856) является одним из самых главных документов той культурной эпохи, которая наступила в России в «сороковые – роковые» годы XIX столетия и которую связывают с образованием двух партий – славянофилов и западников. Именно

«письмо» стало вызовом для славянофилов, позволило славянофильской партии идейно определиться, организовать – соответствующим ответом стала и организация русских западников. Первое «философическое письмо» было опубликовано в 1836 году, вызвало общественное возмущение и